

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК: 811.111'25

Ковалевская Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурной
экономической коммуникации
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kovalevskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the Department of Intercultural
Economic Communication
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
kovalevskaya@bseu.by

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ДОГОВОРНОГО ПРАВА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

CONCEPTUALIZATION OF CONTRACT LAW DISCOURSE AND ITS APPLICATION IN TRANSLATION

В статье раскрывается специфика концептосфер русскоязычного и англоязычного дискурса договорного права. Выделяются базовые концепты, репрезентирующие предмет/объект договора. Рассматриваются специальные дефиниции концепта «имущество» в славянской и англосаксонской правовых системах и выявляются его отличительные признаки. Предполагается, что главным условием достижения адекватного перевода дискурса договорного права является транспонирование правового знания посредством воссоздания системных отношений между концептами в исходном и переводном дискурсах.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; юридический дискурс; договорное право; имущество; intersubjectное пространство.

The paper reveals the concept sphere specifics of the Russian and English Contract Law discourse. It identifies the basic concepts that convey the scope of a contract. The special definitions of such a concept as “property” in the Slavic and Anglo-Saxon legal systems, as well as its distinctive features are considered. It is suggested that the main condition for adequate translation of the Contract Law discourse should be the transposition of the knowledge of law by recreating the systemic relations between the concepts of the source and target discourse.

Key words: concept; concept sphere; legal discourse; Contract Law; property; intersubject space.

Когнитивная лингвистика, будучи одним из ведущих лингвистических направлений, предопределила динамику развития современных исследований дискурса. В выделении концептов как определенных фрагментов знаний проявляется их семантическое структурирование в индивидуальном и общественном сознании. Концепт считается основной единицей, позволяющей репрезентировать результаты познания с помощью языка [1, с. 73], ввиду

чего актуальным является представление правового сознания в виде системы концептов, так называемой концептосферы, в которой зафиксирован многовековой опыт взаимодействия субъектов правовых отношений.

Юридический дискурс служит определенным «социальным регулятором» правоотношений и характеризуется особой концептосферой, представляющей собой систему концептов, выполняющих регулятивную роль в организации и жизни общества. Через данный вид дискурса осуществляется контроль отношений в социуме, так как именно право ориентировано на определенную систему ценностей, отражает и охраняет эти ценности, имеет аксиологическую основу [2, с. 106–107].

Признавая имеющийся теоретический опыт анализа когнитивных и, в частности, категориально-терминологических аспектов юридического дискурса, отметим многообразие его типов, не получивших достаточного освещения ввиду того, что их проблематика выходит за пределы собственно лингвистических исследований. К числу таких типов принадлежит дискурс договорного права, субъектом которого в современную эпоху интенсивной интеграции экономических и социальных процессов оказывается вовлеченным каждый член общества.

Специфика концептосферы юридического дискурса обусловлена выполняемыми им нормативно-регулятивными функциями в целях правового взаимодействия и общественного развития с опорой на факты их нравственной оценки и концептуального терминологического закрепления. При выделении концептов правовой системы важно обратить внимание на их отличие от понятий, которое выражается в том, что концепт охватывает содержание понятия и смысл слова, соотносимого с данным понятием, а объем содержания понятия определяется совокупностью охватываемых им предметов или явлений [3, с. 41–42]. Справедливо в этой связи утверждение о том, что концепты шире понятий, которыми оперируют философия и логическая семантика, и строятся на других основаниях, нежели понятия, не отражающие специфики познания и общения [1, с. 68]. Концепты правовой сферы обозначаются терминами, создающими в составе терминологической системы модель фрагмента объективной действительности, необходимую в процессе ее познания и освоения.

В качестве терминов могут функционировать единицы естественного языка, которые в результате использования в дискурсе права становятся единицами юридического языка. В различных сферах правового регулирования тех или иных отношений (уголовного, административного, судопроизводства и т.д.) осуществляется переосмысливание данных единиц, т.е. процесс их концептуализации. Данный процесс носит комплексный, многоаспектный характер и предполагает юридическую оценку тому или иному факту или событию с опорой на правовые нормы, отражающие некоторое ментальное представление о социально-нравственной сути данного факта или события.

Согласно М. Н. Федуловой, «апелляция к нормам – это ментальная сторона концепта», а актуальное применение к конкретному факту или событию концепта есть не что иное, как его практическая, чувственная сторона. Автор предлагает в этой связи разделить концепты на ментальные и чувственные. Если первые отражают требования норм права, оставаясь более устойчивыми, то другие являются ситуативными, в большей степени интенциональными в коммуникативном контексте, отражают «требование момента» как части культурно-нравственной (правовой) ситуации [2, с. 109].

Принимая во внимание большую актуальность для всех разновидностей юридического дискурса ментальных концептов, мы все же придерживаемся точки зрения о том, что «разделение концептов на ментальные и чувственные носит скорее функциональный, а не семантический характер» [Там же]. Соответственно, один и тот же концепт в зависимости от его функциональной заданности может рассматриваться как ментальный или чувственный. Конкретика чувственной стороны каждого из них служит отправным пунктом коммуникативной аргументации, направленной на устранение когнитивного и аксиологического диссонанса. Функционально в их ситуативном применении они неразделимы и могут рассматриваться как две стороны одного и того же концепта в его функциональной заданности. Степень институциональной устойчивости дискурса определяется не чувственной, а ментальной стороной концепта, характером его закрепления в коммуникативном культурно-выразительном опыте языка.

К аргументативно-активным сферам юридического дискурса относится договорное право, являющееся отдельной подотраслью или самостоятельным институтом обязательственного права, входящего в особенную часть гражданского права [4], хотя считается, что сведение договорного права, представляющегося по сравнению со всеми другими обязательственными институтами наиболее весомым, лишь к одному гражданско-правовому институту неоправданно [5].

Договоры, отличающиеся особой гибкой правовой формой, используются на протяжении уже нескольких тысяч лет и находят применение в различных отраслях права: международной, публичной, административной и др., хотя наиболее широко применяются в гражданском праве. При этом романо-германская правовая доктрина, с которой близкими по внешней форме и по некоторым содержательным элементам являются правовые системы Республики Беларусь, России, а также таких стран, как Украина, Болгария, Босния и Герцеговина, Хорватия, Черногория, Северная Македония, Сербия, Словения, в целом «отрицает договор как источник права (за исключением нормативных договоров) на основании отсутствия в последнем правовых норм», создаваемых государственными органами [6, с. 202].

Примечательно, что в англосаксонском праве за договором (contract), составленным в соответствии с требованиями действующего материального и процессуального законодательства, признается роль источника права, в результате чего он считается законом для его сторон.

Исходя из предложенной в англоязычном юридическом словаре дефиниции, согласно которой «contract» определяется как *an agreement with specific terms between two or more persons or entities in which there is a promise to do something in return for a valuable benefit known as consideration* ‘соглашение, заключенное на определенных условиях между двумя или несколькими лицами или организациями, которое содержит обещание совершить какое-либо действие в обмен на такое ценное преимущество, как встречное удовлетворение’¹, видно, что в англосаксонском праве в основе договора лежит обещание что-либо сделать или не сделать [7]. В отличие от русскоязычных договоров, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, договоры в англосаксонской правовой системе направлены на конкретное действие или бездействие. Обещание, являющееся основой договора, следовательно, подразумевает получение оферентом определенной для себя выгоды. Принцип встречного удовлетворения конкретизируется при рассмотрении его различных видов: *adequate consideration* ‘соразмерное встречное удовлетворение’, *nominal consideration* ‘номинальное встречное удовлетворение’, *past consideration* ‘предшествующее встречное удовлетворение’ и т. п., которые сводятся, соответственно, к признакам, характерным для англоязычных договоров. Из этого следует, что англоязычный договор выполняет не собственно социальную функцию, а регулирует правоотношения на рынке товаров, работ и услуг.

Концепты договорного права объективируются посредством специальных лексем, функционирующих в русскоязычном и англоязычном договорном дискурсе. По итогам исследования его терминологической сферы в ней можно выделить следующие понятийные доминанты, соответствующие определенным семантическим группам и выраженные специальными терминами:

1) предмет/объект договора – *продукция* ‘products’, *оборудование* ‘equipment’, *патенты* ‘patents’ и др.;

2) субъекты договорных отношений – *цессионарий* ‘assignee’, *генеральный директор* ‘Managing Director’; *совместное предприятие* ‘Joint Venture Company’ и др.;

3) элементы, признаки и условия договора – *условия поставки* ‘terms of delivery’, *график выполнения* ‘schedule for performance’, *дата вступления в силу* ‘effective date’ и др.;

4) виды договора – *контракт об обратных закупках* ‘Buy-Back Contract’, *контракт о техническом содействии* ‘Technical Assistance Contract’, *контракт о товарообмене на условиях взаимозачётов* ‘Compensation Trade Contract’ и др.;

5) порядок заключения, исполнения, изменения и расторжения договора – *оговаривать условия* ‘specify the conditions’, *применять по отношению к чему-либо* ‘apply against something’, *выполнять обязательства* ‘perform the duties’ и др.;

¹Здесь и далее перевод наш.

б) виды правоотношений в договоре и их прекращение – *обязательства* ‘commitment’, *режим наибольшего благоприятствования* ‘most-favoured-customer conditions’, *освобождение от ответственности* ‘exemption’ и др.

Значения терминов и терминологических выражений приравниваются к эксплицируемым в них концептам. Базовыми среди правовых концептов считаются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы культурные образования, имеющие различные формы проявления в правовом и языковом сознании ввиду культурно-исторической обусловленности правовых норм [8, с. 127]. Базовые концепты договорного дискурса можно выделить с опорой на значимые для договорного права признаки общественных отношений. Ключевыми из них признаются конечные экономический и юридический результаты, на достижение которых направлены основные действия участников договора [9]. В соответствии с этими признаками дифференцируются четыре группы договоров, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или передачу денег. В качестве базовых концептов договорного дискурса в этой связи выделяются «имущество», «работы», «услуги» и «деньги», репрезентирующие предмет/объект договора, так как договор заключается ради обладания конкретными благами, являющимися его объектом, и содержит указание на данный объект и на совершаемые ради него действия, составляющие предмет договора.

Каждый из концептов имеет особые, юридически детерминированные содержание и структуру в отечественной и англосаксонской системах права в силу обусловленности их понятийно-содержательных и параметральных характеристик историко-культурными, социально-этическими, политико-экономическими, идеологическими и морально-нравственными факторами.

Определению отличительных признаков данных концептов как юридических явлений способствует рассмотрение их специальных дефиниций, указывающих на специфику договорного права. В частности, интерес представляют дефиниции концепта «имущество» как одного из наиболее репрезентативных в договорном праве. Экономическая составляющая данного понятия лучше всего представлена в статье 2 Конвенции ООН, относящей к имуществу «любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право на такие активы или интерес в них» [10]. Включение экономических терминов в предложенную дефиницию свидетельствует о потребности регулирования объектов прав, выражаемых соответствующими терминами.

Более обобщенный характер носит определение понятия «имущество» в статье 44 Модельного Налогового кодекса для государств – участников СНГ, включающее «виды объектов гражданских прав (за исключением имущественных прав), относящихся к имуществу в соответствии с гражданским кодексом страны» [11]. Наиболее конкретным по содержанию представляется определение данного понятия в статье 32 Уголовно-процес-

суального кодекса Республики Беларусь, где под имуществом понимаются «любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах, во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, бездокументарные ценные бумаги; электронные деньги; имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» [12].

В англоязычных юридических словарях предлагается весьма широкая трактовка концепта «property», под которым подразумевается *anything that is owned by a person or entity* ‘всё, что принадлежит лицу или организации’. Содержание концепта конкретизируется в рамках определения двух основных видов имущества: *real property/realty* ‘недвижимая собственность’, *personal property* ‘движимая собственность’ [7]. Выявление специфики правоотношений в английском имущественном праве (Property Law) как особой отрасли договорного права предусматривает описание системных отношений (сходства, различия и иерархии), в которые вступают по отдельным своим признакам выделенные концепты [13, с. 26]. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели дискурса, обобщающей знания в области договорного права. Выявление связей между ними как элементами единой системы лежит в основе концептуализации юридического дискурса и имеет особую значимость для достижения его адекватного перевода.

Так, при выборе переводческого соответствия для концепта «юридический адрес» необходимо знать, что под ним подразумевается место нахождения юридического лица. Соответствующий термин встречается в русскоязычных контрактах, хотя в нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует его расшифровка, поскольку при использовании возникают ошибочные ассоциации: адрес имеют объекты права, к которым относится, например, недвижимое имущество, а лицо (юридическое или физическое) как субъект права имеет место жительства (пребывания, нахождения) по определенному адресу. Исходя из этого, содержание концепта «юридический адрес» в следующем фрагменте контракта об обратных закупках завода и оборудования транспонируется на английский язык посредством поясняющего перевода как *principal place of business*:

<p>Компанией В, компанией созданной и существующей по законодательству ..., имеющей юридический адрес ..., данное выражение включает всех правопреемников Z, именуемое в дальнейшем «Компания В».</p>	<p>Z, the company organized and existing under the laws of ..., having its principal place of business at ..., which expression shall include all assigns, assignees, licensees and successors in title of the Z, hereinafter referred to as «Company B».</p>
---	---

<https://miripravo.ru>

Заслуживает внимания в рассмотренном выше переводе также концепт «правопреемник». В соответствии со статьей 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь правопреемником называют «лицо, к которому в силу закона или соглашения непосредственно от другого лица перешло установленное право» [12]. Поскольку в правовых системах США и Великобритании отсутствует эквивалент с таким же широким значением, содержание исходного концепта при переводе конкретизируется посредством английских терминов *assigns* ‘лица, которые приобретают имущество в результате покупки, дарения или по завещанию’; *assignees* ‘лица, которым имущество, в частности, недвижимость, переходит в результате продажи или дарения’, *licensees* ‘лица, которым выдана лицензия’, *successors in title* ‘стороны, приобретающие в собственность недвижимость или личное имущество в порядке правопреемства’ [7].

Таким образом, адекватный перевод достигается посредством трансляции исходных отношений между опорными концептами, выраженными в юридическом тексте при помощи базовых терминов, и не допускает искажения правового знания при их переводе. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели исходного дискурса. В основе их осмысления лежит стратегия концептуализации, представляющая собой процесс воссоздания исходной модели правового знания, умение интерпретировать и понимать которое является важной составляющей профессиональной компетенции юридического переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курганова, Н. И. Образ мира через призму концептов повседневности / Н. И. Курганова. – Минск : РИВШ, 2020. – 200 с.
2. Федулова, М. Н. Система концептов в юридическом дискурсе / М. Н. Федулова // Вопр. психолингвистики. – 2017. – № 4 (34). – С. 107–113.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
4. Брагинский, М. М. Договорное право: общие положения / М. М. Брагинский. – М. : Статут, 2020. – 847с.
5. Груздев, В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В. В. Груздев. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 253 с.
6. Бухалов, А. В. О договоре в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях / А. В. Бухалов // Ленинградский юридический журнал. – 2009.– № 3(17). – С. 193–205.
7. The People’s Law Dictionary by Gerald and Kathleen Hill [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dictionary.law.com/Default.aspx>. – Date of access : 15.08.2022.
8. Храмцова, Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности / Н. Г. Храмцова. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. – 396 с.

9. *Романец, Ю. В.* Направленность договора как основа его квалификации / Ю. В. Романец // *Право и экономика.* – 1999. – № 9. – С. 63–65.
10. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.etalonline.by/?type=text®num=i00000091>. – Дата доступа : 22.08.2022.
11. Модельный Налоговый кодекс для государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – 29 ноября 2013 г. № 39-10: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. – Режим доступа : <https://iacis.ru/public/upload/files/1/530.pdf>. – Дата доступа : 22.08.2022.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, с изм. и доп. : 18 июля 2017 г. № 53-3 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.* – 2000 г. – № 77–78, 2/71.
13. *Попова, И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка / И. А. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.

Поступила в редакцию 19.01.2023